
Андрей и Музей украденных чудес
Книга одиннадцатая
Денис Федотов

Денис Федотов

Андрей и Музей украденных чудес

«Автор»
2026

Федотов Д.

Андрей и Музей украденных чудес / Д. Федотов — «Автор», 2026

Когда Андрей отправляется на далёкую планету Пасмурь, чтобы попросить прощения у Нима, он обнаруживает необычный музей, в котором хранятся украденные земные чудеса: радуга, полярное сияние, детский смех, запах дождя и даже свет домашнего окна. Вместе с Соней и Луми героям предстоит разгадать тайны старых банок и вернуть чудеса тем, кому они дороги.Это путешествие учит не только признавать свои ошибки и исправлять их, но и замечать красоту привычного мира, ценить то, что кажется обыденным, и делиться радостью с другими. А ещё знакомит юных читателей с удивительными явлениями космоса.

© Федотов Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Решение 5
Глава 2. Туда, где нет звёзд 7
Глава 3. Пасмурь 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Денис Федотов
Андрей и Музей украденных чудес

Глава 1. Решение

Утром Андрей проснулся раньше будильника. За окном было ещё серо, во дворе дворник сгребал мокрый снег в кучу, и лопата скребла по асфальту: шшшрр, шшшрр. Обычное утро. Обычная суббота. Только внутри у Андрея было необычно тихо и твёрдо, как бывает, когда ты что-то решил ещё во сне и теперь просто вспоминаешь, что именно.

Записная книжка лежала на подушке. Луми спал на ней, свернувшись светящимся комочком. Андрей осторожно, чтобы не разбудить, вытащил книжку и открыл. Большие буквы на всю страницу никуда не делись.

ПРОСТИ.

На кухне пахло блинами. Мама стояла у плиты в старом клетчатом фартуке и ловко переворачивала их лопаткой, а папа читал что-то в телефоне и время от времени говорил «хм» таким голосом, будто спорил с телефоном и пока проигрывал. Соня сидела на табуретке, болтала ногами и мазала блин сгущёнкой так густо, что блина под сгущёнкой уже не было видно.

Андрей сел за стол. Взял блин. Положил обратно.

— Ты чего? — удивилась мама. — Заболел? Ты же блины всегда первый хватаешь.

— Мам, — сказал Андрей. — А можно вопрос?

— Можно, — сказала мама и выключила плиту. Она всегда выключала плиту, когда Андрей говорил «можно вопрос» таким голосом. Она говорила, что у серьёзных вопросов блины подгорают.

Андрей посмотрел в тарелку.

— Вот если ты кого-то обидела, — сказал он. — Очень сильно. Сказала ему такое… такое, что нельзя говорить. А он уехал. Далеко-далеко. Так далеко, что туда, может, даже дороги нет. Что тогда делать?

Папа отложил телефон. Соня перестала жевать. В кухне стало тихо, только тикали часы над холодильником.

Мама села на табуретку напротив и вытерла руки о фартук.

— Знаешь, — сказала она, — когда мне было десять лет, у меня была подружка Оля. Мы с ней дружили с первого класса. Сидели за одной партой, менялись наклейками, у нас даже был секретный язык, на котором мы писали друг другу записки. А потом мы поссорились. Из-за ерунды, я даже не помню из-за чего. Из-за ластика, кажется. И я сказала ей очень злую вещь. Что она мне никогда не была настоящей подругой. Что я с ней дружила просто так, потому что больше было не с кем.

Она помолчала.

— Это была неправда. Но я так сказала. А через неделю Олин папа получил работу в другом городе, и они уехали. За три тысячи километров. И я так и не извинилась.

— Никогда? — тихо спросила Соня.

— Долго, — сказала мама. — Очень долго. Я всё собиралась. Писала письма и рвала. Думала: она меня, наверное, уже забыла. Думала: ей, наверное, всё равно. Думала: а вдруг она не ответит, это же будет ещё хуже. И так прошло пятнадцать лет. Пятнадцать, Андрюша. А потом я её нашла. Написала ей. Одно слово.

— Какое? — спросил Андрей, хотя уже знал.

— «Прости», — сказала мама. — И знаешь, что она ответила? Она ответила, что все эти пятнадцать лет хранила наши секретные записки. В коробке из-под конфет. И что она тоже хотела написать первой, но боялась.

Мама протянула руку и убрала Андрею со лба чёлку.

— Извиниться иногда бывает дальше, чем долететь, — сказала она. — Дальше любой дороги. Потому что лететь надо не ногами и не на поезде, а вот тут. — Она легонько постучала Андрею пальцем по груди. — Через стыд. Через «а вдруг он не простит». Через «а я ведь был прав». Это самая длинная дорога на свете. Но долетать всё равно надо. И чем раньше вылетишь, тем короче получится путь.

Андрей кивнул. Горло у него почему-то сжалось, и он взял блин, просто чтобы чем-нибудь заняться. Блин был тёплый и пах маслом.

— А ты кого обидел-то? — спросил папа.

— Одного мальчика, — сказал Андрей. — Он… не из нашей школы.

Соня под столом пнула его ногой. Не больно. Так, по-заговорщицки.

После завтрака она пришла к нему в комнату и закрыла за собой дверь.

— Я с тобой, — сказала она.

— Нет, — сказал Андрей. — Это я его обидел. Значит, и лететь мне. Одному.

— Ты обидел, — согласилась Соня. — А я стояла рядом и молчала. Это тоже считается. Вера Павловна говорит, что когда кого-то обижают, а ты молчишь, то ты немножко тоже обижаешь.

Андрей хотел возразить и не нашёл чем. Соня вообще в последнее время часто говорила такие вещи, против которых нечего было возразить. Она выросла, понял он вдруг. Пока он летал по звёздам, его маленькая сестра выросла.

— Там будет холодно, — сказал он. — Очень. Искра говорит, это самое тёмное место из всех, что она знает.

— Значит, надену две кофты, — сказала Соня. — И бабушкины шерстяные носки. Колючие.

Луми проснулся, вылетел из-под одеяла и сонно замигал.

— Мы летим к Ниму? — спросил он. — Я тоже. Если там темно, то вам нужен кто-то, кто светится.

Вечером к ним заглянул Кайр. Он появился, как всегда, в мигающем красном отсвете прямо посреди комнаты и чуть не опрокинул Сонин глобус.

— Я слышал, — сказал он. — Старейшина рассказал. Полетишь извиняться.

— Полечу, — сказал Андрей.

Кайр помолчал. Потом протянул ему что-то тёмное, размером с куриное яйцо.

— Это камень с Ржави, — сказал он. — С горячей стороны. Той, что всегда смотрит на наше солнце. Он греет очень долго. Если зажать в кулаке, можно не замёрзнуть, даже если вокруг всё замёрзло. Мама дала мне его, когда я первый раз улетал из дома. Вернёшь потом.

— А ты с нами не полетишь?

Кайр покачал головой.

— Это твоя дорога, Землянин, — сказал он. — Та самая, длинная. Её за другого не пролетишь.

Камень был тяжёлый и тёплый, как кошка, которая долго спала на солнце. Андрей сунул его во внутренний карман куртки, рядом с записной книжкой. А в другой карман положил крышку от банки. Ту самую, которую они нашли на Энцеладе. Стеклянную, с серым ободком, с нацарапанным рисунком: солнце и две маленькие фигурки под ним.

Он долго не понимал, что это за рисунок. А теперь, кажется, начинал понимать.

Глава 2. Туда, где нет звёзд

Светлячок стартовал ночью, когда весь дом уже спал.

Он развернулся на подоконнике из маленького светящегося комочка в настоящий кораблик, тёплый, с круглыми окошками и мягкими креслами. Новая антенна гордо торчала на крыше, и наклейка «Удачи!» на ней немного отклеилась по краю. Андрей пригладил её пальцем. Удача сегодня была нужна.

Соня забралась в кресло в двух кофтах, шапке с помпоном и бабушкиных колючих носках. Вид у неё был такой серьёзный, будто она летела не в космос, а на контрольную по математике.

— Искра, — позвал Андрей. — Мы готовы.

— Я поведу вас, сколько смогу, — отозвалась Искра. — А дальше вам придётся самим.

Врата открылись мягко, как дверь в тёплую комнату. Светлячок нырнул в них, и мимо понеслись знакомые места. Марс, рыжий и пыльный, с маленьким Фобосом. Юпитер, огромный и полосатый, с его вечной Красной Бурей. Сатурн в своих кольцах, которые снова тихо пели. Андрей не услышал этой песни, ведь в космосе нет звука, но ему показалось, что услышал. И от этого стало чуть-чуть легче.

Потом мимо проплыл Уран, бледно-голубой и сонный, лежащий на боку, как будто кто-то когда-то толкнул его и он так и не поднялся. Потом Нептун, тёмно-синий, как вечернее море.

А потом планеты кончились.

— Это всё? — спросила Соня. — Дальше ничего нет?

— Дальше есть, — сказала Искра. — Только оно очень маленькое и очень холодное. И его очень много.

За Нептуном начался пояс ледяных глыб. Они плыли в темноте, как айсберги в чёрном океане, и только иногда какая-нибудь из них вспыхивала крохотной искоркой, отразив далёкий свет. Одна была похожа на снеговика из двух комков. Другая на картошку. Третья вообще ни на что не была похожа.

— Где-то тут живёт Плутон, — сказал Андрей. — Маленький. У него на боку сердце. Ледяное.

Но Плутона они не увидели. Он был где-то далеко, на другой стороне своего огромного круга вокруг Солнца.

Светлячок летел дальше. И с каждой минутой становилось темнее.

Это была не обычная темнота. Дома, даже ночью, даже если выключить свет и задёрнуть шторы, всё равно что-нибудь светится. Огонёк на зарядке. Полоска под дверью. Фонарь за окном. А здесь не светилось ничего. Солнце, которое на Земле занимало полнеба и не давало на себя смотреть, стало сначала маленьким, как монетка, потом крохотным, как горошина. А потом просто звёздочкой. Самой яркой среди других звёзд, но всё-таки звёздочкой.

— Это наше Солнце? — шёпотом спросила Соня. — Вот это?

— Это оно, — сказал Андрей.

Соня прижалась носом к окошку и долго смотрела на яркую точку.

— Оно такое маленькое, — сказала она. — А мама там. И папа. И Вера Павловна. И все-все.

Потом они пролетели через облако. Оно было не похоже на облака дома. Это было облако из ледяных комочков, разбросанных так далеко друг от друга, что между ними можно было лететь целый день и ни одного не встретить.

— Здесь рождаются кометы, — сказала Искра. — Здесь они спят. Миллионы, миллиарды лет. А потом какую-нибудь из них что-нибудь толкает, и она летит к Солнцу. И отращивает хвост. Твой друг Шуршик тоже когда-то спал здесь, Хранитель.

Андрей посмотрел на ледяные комочки и попробовал представить, что каждый из них может однажды стать Шуршиком. Болтливым, весёлым, с длинным сияющим хвостом. Получалось с трудом. Они казались такими тихими.

Луми светился всё слабее. Он сидел на приборной доске и время от времени вздрагивал.

— Тебе плохо? — спросил Андрей.

— Мне темно, — сказал Луми. — Это не одно и то же. Но похоже.

Андрей включил в кабине все лампы. Светлячок засветился изнутри тёплым жёлтым светом, как окошко деревенского дома в зимнем лесу. Луми чуть-чуть оживился.

Голос Искры становился всё тише.

— Хранитель, — сказала она, и в её голосе потрескивало, как в радиоприёмнике, который ловит далёкую станцию. — Я вижу вас всё хуже. Вы уже совсем далеко. Дальше, чем долетает мой голос. Дальше, чем ваше Солнце может дотянуться своим светом. Курс я вам дала. Летите прямо. Прямо, прямо и прямо. Вы найдёте её не по свету. По теплу.

— По теплу? — переспросил Андрей. — Как это?

Но Искра уже не ответила. Только что-то ещё раз потрескало и затихло.

Стало совсем тихо.

Светлячок летел сквозь пустоту. Впереди не было ничего. Позади была маленькая яркая звёздочка Солнца и другие звёзды, далёкие, холодные, похожие на дырочки в чёрной бумаге. А впереди, там, куда они летели, была просто чернота. Без звёзд. Как будто кто-то вырезал из неба кусок и забыл вставить обратно.

Соня взяла Андрея за руку. Рука у неё была холодная, несмотря на две кофты.

— Андрей, — шёпотом сказала она. — А если мы его не найдём?

— Найдём, — сказал Андрей.

— А если найдём, а он не захочет с нами разговаривать?

Андрей помолчал. Он и сам думал об этом всю дорогу. С той самой минуты, как Светлячок оторвался от подоконника.

— Тогда я всё равно скажу, — ответил он. — Даже если он не захочет слушать. Даже если он закроет дверь. Я скажу. А дальше пусть сам решает.

Соня кивнула. И, чтобы не было так страшно, стала считать звёзды позади, за кормой. Раз, два, три. Сорок шесть. Сто двенадцать. На двухсотой она сбилась и начала снова.

Андрей сунул руку в карман и сжал Кайров камень. Тот был тёплый. Живой. И от этого тепла было не так одиноко.

А потом Андрей подумал: а как живут те, у кого такого камня нет? Совсем нет. Ни камня, ни солнца, ни даже маленькой звёздочки в небе. Как живёт Ним?

И впервые за всю дорогу ему стало страшно не за себя.

Глава 3. Пасмурь

Они летели уже очень долго. Так долго, что Соня успела три раза досчитать до двухсот, один раз задремать и проснуться от того, что Луми чихнул. Луми чихал редко, и каждый раз от этого по кабине разлетались маленькие золотые искорки. Но сейчас искорок почти не было. Так, две-три, и те сразу погасли.

Чернота впереди стала совсем близкой. Теперь Андрей понимал, почему там не было звёзд. Это было облако. Огромное, тёмное, плотное облако пыли, такое густое, что свет далёких звёзд не мог пробиться сквозь него. Оно висело в космосе, как чёрная занавеска, и Светлячок нырнул прямо в эту занавеску.

Стало совсем темно.

Даже позади звёзд больше не было видно. И маленькой яркой точки Солнца тоже. Только тёплый свет ламп в кабине, отражение их собственных лиц в окошках и чернота за стеклом. Такая чернота, что казалось, будто её можно потрогать рукой.

— Как тут можно что-то найти? — шёпотом спросила Соня. — Тут же ничего не видно.

— Искра сказала: по теплу, — сказал Андрей. — Не по свету. По теплу.

Он думал об этом всю дорогу. И чем больше думал, тем сильнее ему казалось, что он уже где-то слышал что-то похожее. Где-то совсем не в космосе. Где-то в самом обычном месте.

И вдруг вспомнил.

Класс Веры Павловны, четверг, последний урок. Вера Павловна принесла из учительской маленькую камеру, похожую на фотоаппарат, только с толстым тёмным стеклом вместо объектива. Она выключила в классе свет и задёрнула шторы. Стало темно, как ночью. А потом она включила камеру и направила её на класс.

И на экране все появились. Все до одного. Яркие, жёлто-оранжевые, как маленькие солнышки. Витька, который сидел на последней парте и думал, что в темноте его не видно. Соня, которая в тот день пришла к нему в класс, потому что у первоклашек отменили продлёнку. Сам Андрей. А ещё кружка с горячим чаем на учительском столе, которая светилась ярче всех.

«Всё тёплое светится, — сказала тогда Вера Павловна. — Только наши глаза этого света не видят. Он называется инфракрасным. А вот камера видит. И большие телескопы тоже видят. Поэтому астрономы могут разглядеть то, что спрятано в пыли и в темноте. Пыль не пускает обычный свет, а тепло пролезает».

— Светлячок! — сказал Андрей. — А ты умеешь видеть тепло?

Светлячок мигнул лампочками, как будто подумал. А потом на главном экране что-то поменялось. Чернота за окном осталась чернотой. Но на экране она стала другой: тёмно-синей, почти фиолетовой, с едва заметными разводами. А среди этих разводов, далеко-далеко впереди…

— Там! — закричала Соня. — Вон! Видишь?

Он видел. В самом центре экрана тускло светилось пятнышко. Не жёлтое, не оранжевое. Тёмно-красное, как уголёк в печке, который уже почти погас, но всё ещё помнит, что был огнём.

— Это она, — тихо сказал Луми. — Я её чувствую. Она очень замёрзла. Но внутри она тёплая.

Светлячок повернул к уголёчку.

Чем ближе они подлетали, тем больше становилось пятнышко. Сначала оно было с горошину. Потом с яблоко. Потом заняло весь экран. Это была планета. Самая настоящая планета, круглая, большая, может быть, даже больше Земли. Только висела она не возле звезды, а просто так. Сама по себе. Посреди тёмного облака, посреди пустоты, посреди ничего.

А в окошке её по-прежнему не было видно. Совсем. Андрей прижался к стеклу и долго всматривался в черноту. Ничего. Огромная планета была совсем рядом, а глаза её не видели. Потому что ей нечем было светиться. Никто её не освещал.

— Пасмурь, — сказал Андрей.

И ему вдруг стало понятно, почему её так назвали. Пасмурно. Всегда пасмурно. Каждый день, каждую ночь. Миллион лет подряд.

Они опустились очень медленно, включив все фары. Свет выхватывал из темноты то одно, то другое. Чёрный лёд, блестящий, как стекло. Иней, похожий на серую соль. Огромные ледяные камни, обросшие колючими кристаллами, как будто кто-то нарочно их вырастил. Ни травинки. Ни следа. Ни звука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.